Зарево над полями

Тот, кому доводилось ездить ночами степными дорогами курского края, вероятно, представляет себе, как темны и безмолвны бывают наши степные просторы глубокой осенью или в зимнее время. Часами можно ехать по ним, а кругом все то же: темень, тишина, степь... Завернет дорога в село, промелькнет оно веселыми огнями окон и снова: темень, тишина, степь...

Не та наша степь теперь. Ночь не может укрыть золота спелых овсов, блеска сочной листвы свекловичных плантаций. Свет прожектора нашей машины едва касается тучных метелок просяного поля, и тысячи искр сверкают на них. Ночные бабочки весело вьются перед фарами, сонная куропатка шумно захлопала крыльями, поднялась и тотчас скрылась в придорожных кустах. Краснова-тая звездочка появилась на горизонте, за ней вторая, вот они растут на глазах.

— Встречные машины,—говорит шофер. — Давно ли дождь прошел, а смотрите: дороги все как укатаны — хлеб возят на Лукашевку.

Зарево стоит над степью, в стороне загорелось еще одно.

— Зарево-то отчего? Хлеб люди молотят на токах это. Через пяток минут мы туда доскочим. — неторопливо говорит словоохотливый водитель. —Эх, и весело молотить ночью. Вот я до войны, бывало, встану у барабана: «Ну, девки, пошевеливайтесь!» Не управляются снопы подавать, а кругом костры...

Растаяло зарево. Мы на току колхоза «Об'единение». Высокие десятиметровые скирды, молотилка с шуршащими ремнями и с элеватором, подающим солому на высокий омет, электродвигатель, вороха намолоченного хлеба, мешки с зерном у весов, две автомашины и несколько десятков людей, весело работающих возле молотилки, на скирде, у автомашины, — все это залито ярким электрическим светом. Колхозный механик зажег семь лампочек, подвесив их на высоких тонких жердях.

— «Принимай хлеб, Родина!» —громко читает молодой грузчик слова, написанные на красном полотнище, прикрепленном на борту колхозной автомашины. Он проверил, хорошо ли защелкнулись крючки у бортов и махнул рукой колхозному шоферу. Вспыхнули фары, раздался сигнал, и, мягко прошелестев шинами по жнивью, машина скрылась в ночной степи.

— Которая?

— Шестая уж. К утру все обмолотим, переберемся на другой ток,—сообщает заведующий током.

Следующее зарево оказалось над током колхоза им. Кагановича. Оно поднято в небе большими кострами. Красноватый веселый свет играет на запыленных лицах людей, на ворохах янтарного зерна. Девчата в порозовевших платках грузят на машину мешки цвета зари.

Рубиновым кажется трепещущий флажок, прикрепленный над молотилкой.

— «Передовой бригаде колхоза»—следовало бы написать на нем. Да к чему это, и так все знают: раз флажок у нас, мы, значит, и передовые, — с гордостью говорит молоденькая звеньевая Катя Дедова, только что приехавшая с девчатами на ночную смену.

— Сейчас эти свой скирд домолотят, заступит вторая смена, — об'ясняет бригадир Николай Карпович Дедов.— Молотилку мы не останавливаем, во время обеда тоже не прекращаем работы, люди обедают поочередно, подменяя друг друга.

В новой смене здесь будет работать звеньевая Семенихина Наталья Никитична. Вот два скирда выращенной ею ржи, она предполагает намолотить центнеров по 15 с гектара. Здесь же 70-летний колхозник, лучший скирдоправ Платон Лазаревич Бородин, у которого дети «на заводах и в совхозах, и на охране границ». В материнских стеганках (чтобы казаться взрослее) с граблями пришли на ток и самые молодые труженицы — 12—13-летние школьницы Валя Шульгина, Маруся Ольяных и другая Маруся Масалова.

— А вас кто звал?—спрашивает их бригадир.

— Мы помогать хотим, вы же сами, дяденька, нас вчера похвалили, мы ж полову сгребали...

Бригадир, махнув рукой, отошел от них.

Неумолчно стрекочет молотилка, гудит трактор. Машинист Иван Потапович Кирпичев стоит возле барабанщика наверху молотилки. Чуткое его ухо прислушивается к урчанию механизмов, воспаленные, горделиво поблескивающие глаза его зорко поглядывают на рабочую площадку, подмечая малейшую заминку, которая может помешать слаженному ритму работы. Полторы нормы — таковы показатели его работы за истекшие сутки.

Шутки и смех не прекращаются в стайке девчат, ожидающей смены. Запели песню, боевую, старинную песню кубанских казаков, бог весть какими ветрами занесенную в курские села.

«Ой да командир наш, да нетрусливый

Шел все время впереди!» — несутся в ночную степь, заглушая шум молотилки, звонкие девичьи голоса. Но вот обрывается песня. Девушки кто с вилами, кто с граблями в руках спешат к молотилке. А, видимо, самые молодые и самые отчаянные с криком: «В атаку! За Родину!» моментально взбираются на вершину скирда. И полетели и посыпались оттуда снопы. Несколько мгновений — и снова возле молотилки гора снопов. К молотьбе приступила вторая смена.

Колхоз «Красная звезда» одним из первых в районе завершил выполнение плана хлебосдачи озимых культур. Здесь работают мастера урожаев. Варвара Карповна Мяснянкина вырастила в этом году на своем участке по 22,25 центнера ржи, а пшеницы с поливного участка, по ее расчетам, будет намолочено еще больше. Недалеко от нее ушла и ее ученица 18-летняя звеньевая Люба Рассолова. Сегодня ночью на колхозном току этого колхоза знатный машинист района Роман Иванович Елкин молотит пшеницу этих двух звеньевых. За последние 8 часов Роман Иванович намолотил более 20 тонн зерна.

И здесь на току костры, и здесь радостная, ладная, спорая работа. И здесь тонконогие девочки-подростки шушукаются под скирдами.

— Что вы здесь делаете, ребята? — спросили мы.

— Говорили агитбригада приедет с концертом.

— Чего же не приехала?

— Главная артистка сегодня не может, сказали, что сегодня она на своем участке пшеницу вяжет.

И девочки решили, что причина эта весьма уважительная, что концерт они еще посмотрят, а вот пшеницу неповязанную в такую погоду оставлять в поле никак нельзя.

И еще похвалила словоохотливая детвора председателя своего колхоза.

— Вот другие не смогли убраться, а наш убрался. У других хлеб не проходит на пункте (на влажность), а у нашего всегда проходит. Сегодня мы колоски ссыпали. А он бегает по току и командует: то на ситах перевейте ему, то вставайте, перелопачивайте. Сегодня вечером дождь начал крапать. А он как закричит бабам: «Нечего на тучи глаза пялить — работайте», говорит. Наша молотилка как запылит в небо — дождь испугался и убежал с нашего неба.

Все подмечает этот пытливый народ, наши советские ребята.

...И еще этой ночью посетили мы машиниста Гордея Ильича Купреева на току большого колхоза им. 17-го партс'езда. За десять часов ночной смены он намолотил 170 центнеров хлеба. Весь этот хлеб прямо с тока был отвезен в государственный закром.

— Стараюсь, работаю, чтоб американским воротилам тошно было. Они свою пшеничку в — море, а мы — народу, государству своему. Вот вторую неделю без сна. Ничего —вахту держим государственную, — говорит, не торопясь, с достинством Гордей Ильич.

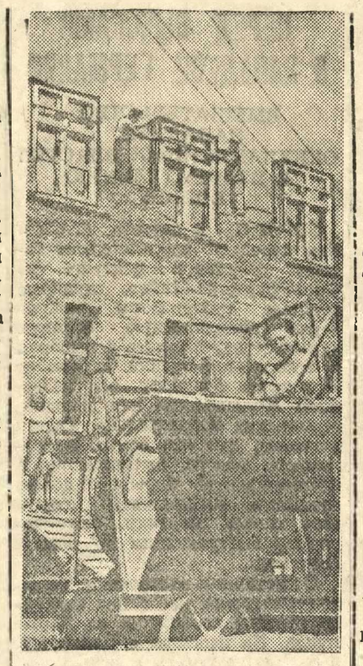
* * *

Зарево горит над степью. Тысячами голосов огласились ее просторы. Стучат молотилки, рокочут тракторы, несутся по ветру девичьи песни. В радостном большом труде сливаются сердца людей нашей колхозной деревни. Молотьба особенно радостна—это итог трудов всего года. А поработали славно.

Вот они, обозы груженные золотым зерном,—это тебе, Родина, шлет их твой благодарный народ—цветви, расти, набирайся могущества, силы и славы, будь стойкой и неприступной.

В. ШАЛЫГИНА.

с. Лукашевка.



В Курске на ул. Коммунистической строится баня с пропускной способностью 100 человек в час.

На снимке: строительство бани.

Фото А. Говорова.

Каждому колхозу—крытый ток и зерносушилку

1. В любую погоду...

Наш колхоз решил построить крытый ток в поле, чтобы можно было здесь хранить сухое зерно и бесперебойно вывозить его на приемочный пункт.

Материал для строительства крытого тока нашли в колхозе. Труднее всего было достать кругляки для стройки, но мы пошли даже на то, чтобы использовать на это лесоматериал, предназначенный для других нужд: построить крытый ток было делом первой важности. Бригада плотников за два дня построила навес длиною в 20 и шириною в 10 метров.

Теперь можно было на площадке под навесом сразу разостлать тонким слоем до 10 центнеров зерна и здесь же его сортировать в случае непогоды. Вместе с тем организовали просушку зерна на открытом воздухе, решив использовать для этого каждый погожий час. Расчистили обширную площадку на 100 квадратных метров, утрамбовали ее. Крытый навес теперь был расположен в центре большого тока. На него ссыпали в небольшие вороха зерно, поступающее от молотилки и комбайна. Когда выдавались солнечные дни, то одновременно из 5—6 ворохов зерно рассыпали тонким слоем. Выделили людей для непрерывного ворошения зерна.

Как только зерно подсыхало, ссыпали его под навес в особый ворох. Таким образом, в хорошую погоду и в дождь у нас был запас зерна для того, чтобы ежедневно вывозить по 150—200 центнеров. Это позволило нам к 1 августа сдать государству более тысячи центнеров хлеба. Мы завершили выполнение плана обязательных хлебопоставок и возим зерно в счет натоплаты.

Н. МИХАЙЛОВ,
председатель колхоза
«Верный путь»
Шебекинского района.

Крытый ток «по-новооскольски»

□

2. Крытые тока... без крыш

НОВЫЙ ОСКОЛ. (Наш корр.). — Как идет строительство зерносушилок, крытых токов и навесов?

— Мы послали по этому поводу в колхозы директивы,—ответили нам в исполкоме райсовета,—но еще не проконтролировали, как идет стройка...

В райсельхозотделе нам показали сведения, где значится, что при задании 100 построено 110 крытых токов, что в артелях «Красная долина», им. Стребкова, «Заря победы» и некоторых других числятся построенными от 5 до 7 крытых токов.

Но почему же новооскольские колхозы не молотят хлеб в ненастную погоду? Потому, что больше половины того, что здесь считают крытыми токами, представляет собой маленькие, тесные клуни, причем, многие из них стоят без крыш. Колхозы же «Красная молодежь», им. Войкова, им. Кирова, им. 1-го Мая, «Новый путь», им. Красина и другие и вовсе не имеют ни крытых токов, ни навесов.

3. Разговорами хлеба не высушишь!

САЖНОЕ. (Наш корр.). Колхоз «Об'единение» одним из первых в районе начал уборку озимых, однако до 5 августа он сдал в хлебопоставки только 20 центнеров зерна. Председатель колхоза Каменев оправдывается: дожди мешают.

Еще в прошлом году здесь построили большой крытый ток, но он и по сей день без крыши. Огромные бурты хлеба находятся под открытым небом, более 200 центнеров чистосортного зерна—сырое, преет.

Любопытные вещи происходят в других колхозах. В верхнеольшанской артели «Серп и молот» на току скопилось более 200 центнеров влажного зерна. Возле этого открытого тока находится большое, просторное помещение, которое можно использовать для просушки и сортировки хлеба, но председатель колхоза Щеблыкин об этом и не задумывается.

В артели «Красный путиловец» не используют даже готовую зерносушилку.

Этот колхоз сорвал июльский план хлебосдачи, вместо 750 центнеров вывез только 71.

О постройке колхозных зерносушилок в районе говорили еще в начале сева. Задолго до уборки колхозам отпустили специально для этого железо и другой материал. Но ни в одном колхозе зерносушилки не построили.

Зав. районным отделом сельского хозяйства т. Голубев говорит:

— Многие председатели колхозов ссылаются на недостаток кирпича. Говорят откровенно, это не причина.

Но что предпринял для того, чтобы колхозы строили тока и сушилки, сам тов. Голубев, что сделал райисполком? По существу ничего, продолжаются одни разговоры.

Л. МИТИН.

Письма в редакцию

Уважайте посетителя!

Более 60 лет я живу на свете, из которых 41 год проработала на железнодорожном транспорте. Приходилось сталкиваться с различными людьми: и с хорошими, и с плохими. В этом же году я познакомилась с работниками Ракитянского отдела соцобеспечения.

В конце мая я приехала из г. Феодосии на ст. Готня и стала работать заведующей детскими яслями. В первых числах июня я пошла в Ракитянский райсобес и подала заявление о том, чтобы затребовали мое пенсионное дело из г. Феодосии. Заявление приняли, только сказали, чтобы я предоставила справку с места работы. На второй день требуемая справка была также в райсобесе.

Шли дни. В конце июня я пошла узнать о судьбе заявления. Ответили: «Ваша справка неправильная — не указано, за кого вы получаете пенсию: за сына или за мужа». Я стала убеждать работников райсобеса, что пенсию я получаю за себя и что в заявлении и справке об этом написано ясно. Оказалось, что мое заявление и справку спутали с какой-то другой. Пришлось писать вторую справку.

В конце июня, не знаю в который уже раз, я пошла снова в райсобес. Ответили: «Ваше дело не разобрали. Вы не одна тут Сергеева». Нет, говорю, я Сергеева, пенсионерка, одна, и будьте добры уважать советские законы». Выяснилось, что к моему заявлению и не притрагивались. Об'яснили: «Заведующий на курорте, заместитель ушла, старший инспектор вышла».

Итак, по вине волокитчиков и бюрократов из Ракитянского райсобеса я уже три месяца не получаю пенсии.

Прошу научить работников Ракитянского райсобеса уважать советские законы.

О. СЕРГЕЕВА,
заведующая детскими яслями при ст. Готня.

Тов. Лузан и благоустройство

Мне, жильцу дома № 30 по улице Радищева, давно было известно, что в Курске ответственным человеком за благоустройство улиц и их хорошее санитарное состояние является заведующий отделом благоустройства горсовета т. Лузан.

Поскольку мне никогда к тов. Лузану не приходилось лично обращаться, я почему-то считал, что это один из самых аккуратнейших, культурнейших и отзывчивых людей. Ведь т. Лузан возглавляет отдел благоустройства города!

Каково же было мое разочарование, когда я столкнулся с тов. Лузаном!

С некоторых пор возле дома, в котором я проживаю, стали скапливаться нечистоты. Жильцы соседних домов, где нет помойных ям, начали носить и выбрасывать всякие отходы под окна наших квартир.

27 июля я позвонил в городской Совет старшему санинспектору т. Сергееву, но его не было, и мне пришлось разговаривать с самим т. Лузаном. На мою жалобу т. Лузан ответил:

— Обращайтесь в милицию, это не мое дело.

Как же, думаю, не его, а чье же?

Не стал оспаривать—позвонил зам. начальника первого отделения милиции т. Головня. Слышу:

— Десятки актов об антисанитарном состоянии дворов и улиц направлены в горсовет, к т. Лузану. Обратитесь к нему.

Как же обращаться к т. Лузану, если он, ответственный за благоустройство, и говорить не желает о благоустройстве.

С. ГОНЧАРОВ.

С письмоносцем

Рассказ

Весна не поскупилась и щедро посыпала вздернутый Настин носик крупными веснушками, точь-в-точь под цвет ее огромных мечтательных глаз. Портрет с Насти писать нетрудно. Две толстых черных косы тяжело падают на спину и резко выделяются на алом шелке кофточки. Синяя короткая юбка открывает уже успевшие загореть ноги, обутые в белые тапочки.

По утрам еще прохладно, а ей ничего. Идет, распевает песни и, видно, действительно тепло ей от них.

Мы познакомились с Настей несколько необычным порядком. Средь белого дня, среди чистого поля.

Слышу звенит вслед слегка грустная, слегка задумчивая «Гармонь»:

«Что ж ты бродишь всю ночь одиноко?
Что ж ты девушкам спать не даешь?»

Делаю короче шаг, чтобы девушка и песня догнали.

Поравнявшись, мы не без любопытства окидываем друг друга взглядом—она меня, здесь незнакомую, я ее, смуглую, красивую. Девушку из какой-то давно прочитанной, но незабытой любимой книги.

За спиной у смуглянки — толстая сумка почтальона. До того толстая, что, казалось, она вот-вот лопнет, а девушка, которая улыбается с обложки «Огонька», спрыгнет и зашагает рядом с той, которая несет ее за спиной...

Я спросила первое, что мне пришло в голову: как пройти в соседний колхоз.

— Пройдете горку, а там налево через мост, а там еще налево, возле вон того леска, — охотно об'яснила она, словно заранее ждала моего вопроса, уточняя направление загоревшей рукой.

Насте 20 лет. Выглядит она, лет на семнадцать и письмоносцем работает уже 8 лет. Когда она успела? На это моя новая знакомая, не скрывая, впрочем, тайной гордости, с улыбкой ответила:

— У нас это семейная профессия. Отец до войны все время носил (почту, значит), потом мать, как война началась. С тех пор и я взялась. Сначала бегала ради интересу, а потом ничего, осмелилась и сама стала... Приду из школы да за почтой. Это мы в Куйбышевской области тогда жили, когда эвакуировались...

— И далеко было ходить? — чтобы не увести разговор от предмета, который обещал быть интересным, спросила я.

— Да нет, недалеко, верст 7, — просто ответила она.

— А не скучно — каждый день одно и то же?

— И-и, скучно! — как-то особенно певуче воскликнула она.— Да я и не замечаю, когда приду. Я не умею скучать.

— А вот в пути, что вы делаете?

Она не удивилась этому вопросу.

— Что? Она мечтает, думает. Вот каждый год у нас одна беда...

— Какая?

— Да очень просто. Лимиты сокращают, — сказала она и с жалом взялась об'яснять.

...В колхоз, в канцелярию «Правду», «Известия», «Соцземку» надо? Надо. Зоотехнику журнал «Зоотехник» надо? Надо. «Медработник» надо или нет, если у нас больница на 30 коек? А школа без «Учительской» да без пионерских газет, да опять же без центральных может? — будто я была виновницей этого «обреза», допрашивала она, не обращая на меня уже никакого внимания. И, не ожидая поддержки своей правоте, продолжала: — А колхозникам? У нас вон Андрей Иванович перечитал всю нашу библиотеку. Из района ношу ему книги. Подписное издание Чехова получает, на Шишкова подписался. Так ему что — лишнее иметь центральную газету, тем более человек заведует молочной фермой? Надо же ему знать, где что делается. А Груня Волчкова — Герой Социалистического Труда! — с пафосом восклицает она.—Так извольте радоваться, ей только районную предлагают. Осчастливили!.. Но я отвоевала ей «Соцземку», — не без удовольствия после небольшой паузы об'ясняет она.

И опять, немного помолчав, как бы подытоживает все сказанное:

— Так вот о чем речь идет? Наш колхоз передовой по району, и люди у нас хотят читать, хотят все знать, быть в курсе всех событий, а Союзпечать нам лимиты устанавливает, — снова прорывается в ней возмущение.

Я осторожно напоминаю ей, что в нашей стране не один их, а очень много теперь передовых колхозов. И людей, желающих читать центральную газету, тоже очень много, так что пока приходится все-таки руководствоваться этой неприятной вещью — лимитом.

Она сдержанно слушает и, не переставая лукаво улыбаться, наконец, не выдерживает:

— И-и,—опять поет она—это ее излюбленное, — а я захотела и достала, — и опять она начинает перечислять:—и две «Учительских» и 3 «Пионерских», и «Медработник»... А для колхозной библиотеки даже журнал «Октябрь» и «Знамя»... Даже «Смену»! Это в школу... Туда по воскресеньям в читальный зал ходит много нашей молодежи... Одному агроному только не угодила. Да ему никто и не угодит... Захотел, видите ли, «Огонек» с приложением. А где я его возьму, если Николай Агафонович — колхозный парторг раньше его подписался?

Жаль клуба у них еще нет. Но к осени строительство уже закончится. Вот там они развернутся... Петька Налимов — это библиотекарь — парень с головой. Тогда у них пойдут дела. Перво-наперво библиотека. Все лучшие книги купят. Председатель обещал, говорит, средств на культурные дела не пожалеет колхоз... А у нее в городе хороших книжных знакомых есть много. Еще ни один колхоз не слышал о «Молодой гвардии», а она достала. И у них, можно сказать, всем колхозом читали. Девчонки с собой на работу брали. Только перерыв, так и за чтение. А потом там же на поле и обсуждают, даже старики участвуют. А по «Повести о настоящем человеке» школа проводила конференцию читателей. Не только ученики, и они, колхозники, участвовали. Она сама, Настя, делала доклад тоже...

При последних словах румянец на ее щеках становится гуще. Маковым цветом рдеет Настя, слегка смущенно откидывая назад иссиня-черную косу. Легкий ветер играет тончайшим пухом завитков на висках, кружит их над высоким лбом, шевелит на затылке.

Невольное смущение Насти быстро проходит и снова, смеясь и хмурясь живыми, словно две лесные криницы, чистыми глазами, она рассказывает свои колхозные и «книжные» новости. Все, что интересует ее и чего она не знает, Настя спрашивает запросто, не стесняясь...

Вот и улица. Первым встречается нам колхозный сторож. Он хитро щурит зоркие глаза и начинает с обходного маневра.

— Ну, что нового слышно на свете, Сергеевна? — обращается он к Насте, зная, что получить у нее газету не так просто. Сначала раздаст, а потом, когда уже почти каждому мальчишке в селе будут известны все новости, и ему принесет: на, мол, дед, почитай газету.

Настя в свою очередь идет в обход.

— Да ничего особенного, дедушка. Сеют люди...

Это известное дело... А в газетах что пишут? Как там в Китае воюют?..

— Знаешь ведь, — замечает Настя.

— Где мне, внучка, старику, разбираться в этих политиках, — сетует он на старость и тут же намекает:—газеты, поди, и в глаза не вижу...

— Ох, и горазд ты обманывать, дед, — чистосердечно возмущается Настя. — При постороннем человеке хотя молчал бы... А я тебе не даю газет?

— Да разве я о тебе говорю? Это в канцелярии не допросишься: то подшили, то подклеили, а вчера, смотрю, Петька Миронов, счетовод, на цыгарки кромсает газету.

— Газету на цыгарки? — ужасается Настя и тут же обещает: — уж я ему накромсаю... Уж он у меня будет знать, как газету на цыгарки кромсать.

Со строжайшим наказом вернуть газету только ей, Настя дает «Известия» Васильичу. Тот бережно складывает газету и, опуская ее в карман-бездну, успокаивает девушку:

— Будь спокойна, Сергеевна, в исправности принесу.

— Ну вот, как ему не дашь газету, когда он не понимает даже, кто с кем в Китае воюет? И куда только агитаторы смотрят — не понимаю...

Я молчу, в душе сомневаясь, нужно ли об'яснять деду о событиях в Китае. Думается, старик и сам разбирается в них, а простачком только прикидывается — газету легче получить.

Будто читая мысли, Настя еще один штрих бросает на деда:

— Хитрит Васильич... Иногда хоть и знает, все скажет—нет...

Звонкий Настин голос далеко слышно, и навстречу ему выходят из домов колхозники. В «Светлом пути» все подписались на газеты. Тут же, на улице, вручается «Огонек» колхозному парторгу, совсем еще молодому парню. Сначала удивляет, почему так важно величает его Настя—«Николай Агафоныч». Ему, пожалуй, больше подошло бы просто-напросто «Коля», или по крайней мере «Николай» — до того еще не выветрился в нем «дух» юношеского задора.

— А ну, носительница человеческой мудрости, чем порадуешь? — издали, широко улыбаясь, кричит он, и, подойдя ближе, хлопает по настиной сумке. — Ого, и как ты приволокла столько ума? — несколько по-книжному шутит он.

— Да ну тебя, и так тяжело,— отмахивается Настя, — на вот, читай, — деланно сердито передает она ему журнал, и, будто отгадав мой недоуменный вопрос, Настя вполголоса об'ясняет:

— Ничего что молодой, а с фронта майором пришел. И не захотел в город. Говорит: «Свой колхоз надо перестраивать на городской лад, чтобы и радио, и электричество, и кино... а не из города на дачу приезжать...» У нас с ним даже старики советуются, даром что молодой. Умный! — с нескрываемым восхищением аттестует она парторга, — это только мы, девчата, с ним шутим, а со старшими он деловой. Да и мы, если дело, то...

Она не договаривает... Выпырнувшая из-за калитки подружка смотрит Насте в глаза таким безмолвным и в то же время всеговорящим взглядом.

Настя весело подмигивает ей:

— Пляши!

Та мгновенно краснеет и только просит:

— Ну, скорее...

А потом торопливо разрывает голубой конверт и еще пуще заливается краской счастья...

Настя подсмеивается над подругой и, не в силах утаить своей радости, уже на расстоянии сообщает ей:

— От Володи привет тебе!

— Тоже? — еще не допив до конца свое счастье, рассеянно спрашивает та.

— А ты думала тебе только?— И, как бы проверяя, с ней ли ее радость и счастье, Настя вынимает из грудного карманчика сложенный, наверное, в восьмеро, мелко исписанный листок...

Вот оно, ее счастье и радость, о котором легко взгрустнулось ей в пути.

Рассказ о нем не входит в характеристику семейной профессии, но о нем и рассказывать не надо. Кто его не знает?

Мы прощаемся с Настей возле колхозной канцелярии. Она легко взбегает на высокое крыльцо, исчезает за дверью.

Девушка «семейной профессии».

Елена ВАСИЛЕВИЧ.

□ □ □

ИЗ ПОСЛЕДНЕЙ ПОЧТЫ

Критика мимо цели

Свободинская газета «Сталинская правда» в номере от 4 августа правильно пишет, что агитация сейчас должна быть усилена и направлена на досрочное проведение уборки и хлебозаготовок.

«А вот агитатор комсомолец А. Посашков забыл об этом. Он зимой часто проводил беседы и читки в своем звене. Но весной и как началась жатва Афанасий Посашков забыл дорогу к звену».

«Лень Посашкову итти в поле»,—упрекает его газета.

Почему же Посашков стал плохим агитатором?

«В колхозе им. 1 Мая не раз был секретарь парторганизации II Воробьевского сельсовета И. Лыков, который видел все недоработки агитатора А. Посашкова, но умолчал. А молчаливость секретаря привела к тому, что и другие агитаторы забыли о своих почетных обязанностях».

А если бы И. Лыков не «умолчал», как тогда исполняли бы колхозные агитаторы свои обязанности? Газета умалчивает об этом, а говорить надо, и говорить полным голосом. Агитаторы не знают, о чем вести беседы с колхозниками, на какие темы, ибо они, кроме двух экземпляров газет, не имеют никакой другой литературы, ибо их с той самой зимы, когда Посашков часто проводил беседы в звене, ни весной, ни летом ни разу не собирали на семинар. Не мог проводить здесь семинар и Лыков, так как в колхозах сельсовета агитколлектив не один, руководителей же в них нет.

Так и хотелось бы, чтобы газета ответила на вопрос: кто же должен руководить агитколлективами, инструктировать и учить агитаторов? Ответа нет, хотя он ясен: отдел пропаганды и агитации райкома.

«Сталинская правда» в последнее время часто критикует агитаторов, незаслуженно приписывая им лень и проч. грехи. Критика явно идет мимо цели. Агитаторы нуждаются не в упреках, а в помощи, в газете же не увидишь ни рассказа об опыте работы агитколлектива и агитаторов, ни консультаций. А из того, что пишется об агитаторах, Свободинский райком не делает выводов, думая, видимо, что достаточно отругать агитатора и он будет работать хорошо.

Явное заблуждение!